

вился, можно сказать, архетипичным образ женщины-колдуньи, знахарки и ворожеи – тем самым уже в античности была подготовлена почва для той охоты за ведьмами, которая развернется в средневековье.

1. Доддс Э. Греки и иррациональное / Пер. М.Л. Хорькова. – М.: СПб., 2000. 2. Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. – СПб., 2008. 3. Кудрявцева Т.В. Судебная магия в классической Греции // Вестник РГГУ. – 2010. – № 10(53). – С. 31-63. 4. Нилльсон М. Греческая народная религия. – СПб., 1998. 5. Петров А.В. Феномен теургии. Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. – СПб., 2003. 6. Bauman R. Political Trials in Ancient Greece. – L.; N.Y., 1990. 7. Carawan E. The Tetralogies and Athenian Homicide Trials // American Journal of Philology. – Vol. 114. – No. 2 (Summer, 1993). – P. 235-270. 8. Collins D. Theoris of Lemnos and the Criminalisation of Magic in Fourth-Century Athens // CQ. – Vol. 51. – 2001. – P. 477-493. 9. Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World / Ed. J.G. Gager. – N.Y., 1998. 10. Derenne E. Les procès d'impiété intentés aux philosophes à Athènes au V-me et au IV-me siècles avant J.-C. – N. Y., 1976. 11. Dickie M. Magic and Magicians in the Greco-Roman World. – L.; N.Y., 2001.

12. Faraone C. Ancient Greek Love Magic. Cambr. – Mass., 2001. 13. Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. – Austin, 2002. 14. Gordon R. Imagining Greek and Roman Magic // Witchcraft and Magic in Europe. Ancient Greece and Rome / Eds. B. Ankarloo, S. Clark. – Philadelphia, 1999. 15. Hopfner T. Mageia // Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. – Bd. 14. – 1928. – Pt. 1. 16. Keller O. Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Supplementband 4. – Leipzig, 1862. – S. 307-418. 17. MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. – L., 1978. 18. Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. – Oxford, 1971. 19. Ogden D. Binding Spells: Curse Tablets and Voodoo Dolls in the Greek and Roman Worlds // Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome / Eds. B. Ankarloo and S. Clark. – Philadelphia, 1999. 20. Ruschenbusch E. Δικαστήριον πάντων κύριον // Historia. – Bd. 6. – 1957. – S. 257-274. 21. Sealey R. Women and Law in Classical Greece. – Chapel Hill, 1990. 22. Versnel H.S. Ter unus: Isis, Dionysos, Hermes. Three Studies in Henotheism // Studies in Greek and Roman Religion. – Vol. 6. – Leyden, 1990. 23. Ziehen L. Θεωρίαι // Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. – Bd. 5. – 1934.

Надійшла до редколегії 13.03.12

И. Ладынин, канд. ист. наук, доц.  
(г. Москва, Россия)

## ЗАМЕЧАНИЯ О СХЕМЕ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДЕ МАНЕФОНА СЕВЕННИТСКОГО

*Статья представляет опыт интерпретации концепции истории Египта в ее знаменитом очерке, созданном Манефоном Севеннитским (III в. до н.э.), с особым вниманием к переходным периодам между ее крупными эпохами, соответствующим частям этого труда ("томосам").*

*The article is an essay of interpreting the concept of Egyptian history in its famous outline by Manetho of Sebennitos (3rd century B.C.), with special attention to the periods of transition between its major epochs correlating with the parts of this composition (its tomoi).*

Одним из вариантов восприятия египтянами македонского завоевания их страны стала отразившийся в т.н. "Романе об Александре" (о его связи с египетской традицией: [8; 12]) мотив уподобления Александра древнему царю по имени Сесонхосис (Hist. Alex. Magni, гес. А. I. 34. 2). Этим именем обозначается великий завоеватель (аналог Сесостриса Геродота: Herod. II. 102-110) и устроитель египетского общества, царствование которого, согласно греческим репликам египетской традиции кон. IV в. до н.э., было отнесено ко времени непосредственно после царей-богов (цитата Дикеарха Мессенского в Schol. Apoll. Rhod. IV. 272-274 согласно codex Laurentianus XXXII.9; см. [4, с. 204-205]). При этом, согласно этим данным античной традиции, уже при жизни Сесонхосиса/Сесостриса созданное им миродержавие перешло к победившим его скифами [4, с. 208 сл.], а далее к ассирийцам и персам (См., например, извод этой традиции в одном из самых обобщающих и масштабных по своему замыслу исторических произведений – в Historia Philippica Помпея Трога, известной в эпитоме Юстина: Iust. I. 1.13, 6.17; II. 3.8-18.), при которых Египет утратил не только внешние владения, но и саму независимость. Тем самым в "Романе..." Александр являлся в Египет не только как его освободитель от чужеземцев, но и как восстановитель исконного египетского миродержавия (коль скоро далее он наносит поражение Дарию III уже будучи египетским царем).

Этот идеологический конструкт обнаруживает свою египетскую основу прежде всего в самой идее восстановления легитимным царем исконной нормы, присущей устройству мира в начале времен, но затем пошатнувшейся вплоть до полного ее исчезновения. В чисто египетском изводе эта идея прописана наиболее четко в среднеегипетском "Пророчестве Неферти": в нем, в форме предсказания, обращенного мудрецом Неферти к первому царю IV династии Снофру, описываются бедствия Египта в I Переходный период [14, р. 21-60; 3, с. 44-49]. В этом тексте и в примыкающем к нему "Речении Ипувера" [3, с. 29] это время характеризуется как крушение социально-политического и даже

природного порядка, своего рода тотальное искажение существующей в мире нормы. Представление о норме, совмещающей как природные, так и социальные законы, представлено в египетском мировоззрении понятием *маат* [1, с. 19 сл.]: *маат* возникает на самой заре творения мира как свойство его упорядоченного состояния, но ему неизменно сопутствует и ее противоположность – своего рода "антинорма"-*исефет*. Ослабление в Египте и в мире в целом *маат* и соответственное нарастание *исефет* было неизбежно в течение правления каждого царя и каждой династии; при этом его негативные результаты "гасились" почти автоматически вступлением на престол молодого царя-наследника после смерти его предшественника или нового царского дома на смену предыдущему. "Пророчество Неферти", таким образом, описывает аналогичный исторический цикл, который, однако, гораздо протяженнее во времени (он охватывает не правление отдельного царя или династии, а все III тыс. до н.э.) и тяжелее по степени предстоящих Египту бедствий (в конце него наблюдаются не "отдельные недостатки" в поддержании в стране и мире нормы-*маат*, а ее тотальное крушение). При этом, согласно "Пророчеству Неферти", все бедствия Египта будут прекращены вступлением на престол нового легитимного царя Амени – исторического основателя XII династии Аменемхета I. Очевидно, что историческая схема, в рамках которой осмыслялось завоевание Египта Александром, тоже обрисовывает подобный цикл: в ней исходной нормой, согласной с *маат*, считается политическое господство Египта над всем миром; далее эта норма искажается, когда миродержавие переходит к азиатским народам; наконец, она терпит тотальный крах, когда сам Египет оказывается под чужеземным владычеством; и в конце концов восстанавливается, когда Александр восходит на египетский престол и обретает миродержавие (собственно, этим и мотивируется его уподобление Сесонхосису).

Как видно, эта схема сводится к одному циклу, который поглощает всю египетскую и мировую историю и представляет ее детерминирующим фактором принад-

лежность миродержавия Египту либо чужеземным народам и династиям. Закономерно, что в ней прямым преемником царей-богов (само представление о них – еще одна египетская черта: [9, pl. I]; cf. Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 1-5; ниже фрагменты Манефона цитируются по этому изданию) оказывается именно великий завоеватель Сесонхосис/Сесострис. Между тем в традиции о I Переходном периоде мы сталкиваемся с еще одним циклом, который детерминирован не внешней активностью, а внутренним развитием Египта. В ходе него Египет пребывал в благополучии вплоть до Снофру, традиционно считавшегося благим царем; наследовавшие ему Хуфу и его преемники подвели страну к бедствиям, соорудив свои пирамиды в ущерб почитанию богов в храмах (Herod. II. 124-129; [3, с. 92]). В итоге в финале Древнего царства разражается катастрофа, вызванная утратой царями этого времени способности к полноценному совершению ритуала и поддержанию тем самым *маат*; возвращение страны к норме происходит только при Амени/Аменемхете I, который вновь оказывается "полноценным" царем-ритуалистом. Как видно, "цикл Снофру-Амени" состоит из тех же этапов, что и "цикл Сесонхосиса-Александра": благополучие страны при относительном доминировании *маат* – "надлом" благополучия – тотальное крушение *маат* – ее восстановление в новых исторических обстоятельствах; однако он не поглощал всю египетскую историю, а заведомо включал в себя лишь ее часть. В "цикле Сесонхосиса-Александра", помимо придания ему универсального характера, были другие натяжки, прежде всего помещение пресловутого царя-миродержавца на то место, которое в обычной династийной схеме было отведено Менесу; натяжки эти, очевидные для образованной элиты Египта, побуждают считать эту схему искусственным пропагандистским конструктом, рассчитанным на массовую и менее сведущую аудиторию. Однако, учитывая сугубо египетскую специфику "циклического" построения этой схемы, естественно поставить вопрос: не были ли "упорядочены" события всего прошлого Египта по циклам и в "академичной", специализированной исторической традиции египтян, в которой надлежащее им место заняли бы и Менес, и события I Переходного периода?

Прежде чем отвечать на него, надо сказать, что выделение египтянами больших, чем отдельные династии, периодов своей истории хорошо известно. При Рамсесе III в его храме в Рамессеуме появляется изображение своего рода процессии статуй великих царей – его предшественников, в которых начало египетской государственности III тыс. до н.э., Среднего и Нового царств маркировано соответственно образами Менеса, Ментухотепа II Небхепетра и Яхмоса I [15, S. 11]. Еще ранее, в царском списке Туринского папируса – самом полном из подобных египетских памятников, относящемся к началу XIX династии, – "маркером" исторических эпох служило суммирование лет царствований по нескольким династиям сразу: такие суммы применительно к III тыс. до н.э. выводятся от Менеса до последнего царя V династии Унаса и от Менеса до конца правления т.н. "дома Тети" (VI-VIII династия), т.е. до катастрофы I Переходного периода; [9, pls. III-IV]; тем самым конец V династии – время Унаса – выделен как своего рода "промежуточный итог" истории древнейшей государственности Египта III тыс. до н.э., понятой как единая эпоха (сам принцип ее выделения – явно тот же, что в литературных произведениях о I Переходном периоде). К сожалению, аналогичных суммарных цифр для крупных периодов II тыс.

до н.э. в Туринском папирусе не сохранилось; вместе с тем понятно, что наиболее адекватным отражением "циклов египетской истории" в восприятии самих египтян должны быть не лаконичные царские списки, а труд Манефона Севеннитского, в котором перечисление царей сопровождалось комментарием об их деяниях, предполагающим их концептуальное осмысление. Существенно и то, что это произведение было создано в раннеэллинистическое время, при Птолемеях I Сотере и Птолемеях II Филадельфе [11, р. 191-193] – когда его автор имел возможность обобщить события не только III и II, но в значительной мере и I тыс. до н.э. и, кстати, когда, видимо, уже сложилась фикция, "редуцирующая" все течение египетской истории до "цикла Сесонхосиса – Александра".

Деление Манефоном египетской истории на крупные периоды заложено в самой структуре его произведения, состоящего из трех т.н. томов. В свете того, что мы уже успели сказать, очевиднее всего принцип выделения Манефоном его первого тома. В последних его фрагментах (frgg. 31-32a-b) речь идет о 43 годах правления XI фиванской династии и 16 годах правления Аменеммеса, названного ее преемником, но не "подключенного" ни к ней, ни к следующей XII династии, хотя ее основатель Сесонхосис и называется его сыном (frgg. 34-36). Соответствие Аменеммеса историческому Аменемхету I и Амени "Пророчества Неферти" совершенно очевидно; но при этом интересно его помещение вне какой-то определенной египетской династии. Коль скоро, по всем соображениям династической и исторической логики, его следовало бы причислить вместе с его сыном к XII династии, как делают современные египтологи, то его место в труде Манефона можно объяснить лишь стремлением поместить его непременно в первый том, хотя бы и вне династической последовательности. Объяснить это стремление можно лишь исходя из того, что для Манефона Аменеммес находился не в начале второго цикла египетской истории, а как раз в конце первого, соответствующего первому томосу; при этом ряд признаков в сообщениях Манефона о египетских династиях с VIII-й по XI-ю (крайняя их скупость и отсутствие в них полных царских списков: frgg. 23-32 (Ср. с восприятием ряда царей I Переходного периода как неполноценных в отношении способности совершать ритуал, что побуждало их современников "стыдиться" упоминать их по имени в своих текстах [3, с. 46, прим. 3].); сообщение, что VII династия "состояла из семи царей-мемфисцев, правивших 70 дней": frgg. 23-24a-b; крайне негативная характеристика основателя IX гераклеопольской династии Ахтоя как жестокого правителя, обрушившего на Египет несчастья, в конце концов обезумевшего и убитого крокодилом: frgg. 27-28a-b) показывает, что их время было в восприятии Манефона сплошной чередой бедствий. Подобная картина прямо соотносится с представлением о тотальном крушении *маат* в кон. III тыс. до н.э., зафиксированном "Пророчеством Неферти" и другими литературными текстами. В таком случае правление Аменеммеса – и, исходя из сообщения "Пророчества Неферти" об Амени, восстановление при нем *маат* – завершает для Манефона первый цикл египетской истории (начавшийся с первого царя I династии Менеса). Мы не станем затрагивать сейчас вопрос о том, какой могла быть в схеме Манефона "точка надлома" этого цикла, – достаточно трудный и заслуживающий отдельного исследования.

Второй том Манефона начинается с XII династии, первым царем которой оказывается сын Аменеммеса по имени Сесонхосис – исторический Сенусерт I (frg. 34-

36). В действительности именно Сенусерт I впервые за долгое время обнаружил, с точки зрения египтян, качества полноценного царя-ритуалиста [3, с. 48-49]; кроме того, он создал систему распределения трудового населения Египта на профессиональные разряды, сформировавшую организацию египетского общества на все II тыс. до н.э. Очевидно, именно поэтому Сесонхосис явно оказывается у Манефона "основоположником" исторического периода его второго томоса [ср.: 2, с. 33]. Выше мы говорили, что в греческой традиции кон. IV в. до н.э. Сесонхосис совмещает черты великого завоевателя и устроителя общества; Манефон эти качества явно разводит, поскольку великим завоевателем он представляет Сесостриса, соответствующего в его списке Сенусерту III, и повторяет применительно к нему хорошо известные сведения Геродота (*loci cit.*). Судя по всему, именно это царствование должно было соответствовать пику могущества Египта во временных границах второго томоса Манефона. "Надлом" же могущества Египта в этом диапазоне связан, несомненно, с гиксосским завоеванием Египта. Благодаря двум иностранным цитатам Иосифа Флавия, именно эти фрагменты труда Манефона известны нам лучше всего (frg. 42 = *Ios. C. Ap. I. 14. §§ 73-92*; frg. 50 = *id. 15-16. §§ 93-105*; см., с отсылками к литературе: [11, р. 213-223]). Сюжет изгнания гиксосов у Манефона вбирает в себя войны в Азии царей XVIII династии от Яхмоса I и до Тутмоса IV [7, с. 132-135]; при этом Манефон подключает к этому дому и царей исторической XIX династии (frgg. 52-53) и не говорит ни слова о таких могущественных врагах Египта при обоих этих домах, как Митанни и Хеттское царство. Это, во-первых, оттеняет качество Сесостриса как единственного царя-завоевателя во втором томосе Манефона (и в целом в истории Египта согласно его изложению!) и, во-вторых, имплицитно делает "постгиксосское" царство с центром в Иерусалиме единственным врагом Египта в Азии в это время, причем именно ему суждено было подстегнуть тотальный кризис Египта на исходе второго томоса Манефона.

Этот кризис, согласно Манефону, был связан с захватом Египта при царе Аменофисе египетскими прокаженными в союзе с "постгиксосами" (frg. 54 = *Ios. C. Ap. I. 26-31. § 227-287*; см. наше отдельное исследование: [5]). В реальной истории данный сюжет соответствует борьбе царей конца XIX - начала XX династий с "народом моря" (этот пока не опубликованный вывод принадлежит А.А. Немировскому), и тем самым его можно считать соотношенным (хотя крайне неявно) с формальным завершением второго томоса Манефона - царствованием Туориса (frgg. 55-56), т.е. исторической Таусерт, царствовавшей на исходе XIII в. до н.э. в период между двумя волнами нашествия "народов моря". Выделим сейчас в этом сюжете важнейшее с точки зрения механизма движения исторических циклов согласно Манефону: если сам этот кризис времени Аменофиса был спровоцирован его действиями, то его преодоление оказывается делом рук того же Аменофиса и его сына Сетоса-Рамессеса, которому в значительной мере свойственны черты основоположника последующей исторической эпохи. Таким образом, фигуры Аменофиса и Сетоса-Рамессеса, завершая, по сути дела, историческое развитие Египта в рамках второго томоса Манефона, оказываются, как и Аменеммес и Сесонхосис на стыке первого и второго томосов парой "царь-отец/избавитель Египта от великого бедствия - царь-сын/основоположник эпохи, следующей за великим бедствием". Как видно, этот конструкт служит в схеме Манефона принципиально важной "связкой" между большими эпохами истории

Египта. Его истоки обнаруживаются, судя по всему, необычайно рано - еще в финале I Переходного периода, когда подобное же "распределение ролей" между отцом и сыном намечается в "Поучении царю Мерикара" между его автором царем Хети III Уахкара и его сыном и адресатом поучения (pHerm. 1116A. 143: "говорят о тебе: "прекративший время болезни"). Религиозные коннотации этого конструкта стоит, вероятно, искать в мифологии Осириса и Хора - самых знаменитых отца и сына египетской религии; однако этот вопрос еще не рассмотрен нами подробно.

Таким образом, рубеж между вторым и третьим томосами труда Манефона соотносится с отражением "народов моря" в кон. XIII - нач. XII вв. до н.э. - очевидно, благодаря тому, что египтяне сохранили представление о тяжести этого кризиса и масштабности вызванной им перестройки их общества на долгое время. Третий томос начинается с упоминания XX-XXI династий: однако эпитоматоры не приводят их списков, и первым царем третьего томоса, названным по имени, является основатель XXII ливийской династии Сесонхис (frg. 60) ("Сесонхосис" во frg. 61 - скорее всего, искажение.) - исторический Шешонк I. Очевидно и, несомненно, неслучайно сходство с его именем формы имени исторического Сенусерта I "Сесонхосис": как и он, Шешонк I был основоположником своей - специфической египетско-ливийской - государственности I тыс. до н.э. [13] и в этом качестве делил с Сетосом-Рамессесом роль царя-устроителя в начале третьего томоса. "Надлом" в развитии Египта на третьем цикле его истории соотносен (причем не только у Манефона - frgg. 64-65, - но и в эллинистических "Пророчестве ягненка" и "Пророчестве горшечника": [6]) с царствованием Бокхориса: при этом царе "заговорил ягненок", который возвестил грядущие бедствия Египта, связанные с чужеземным завоеванием. Что касается дальнейшего, то в наших реконструкциях схемы Манефона мы несколько связаны тем, что его труд, по самому его замыслу, был доведен до царствования Нектанеба II (frg. 6) - последнего египтянина на престоле фараонов. Поскольку тяжелого кризиса Египта, за которым следует новая историческая эпоха, в третьем томосе мы не видим, можно предположить, что Манефон отнес его к лежащему вне его рамок второму персидскому владычеству (343-332 гг. до н.э.) (XXXI династия Манефона, включающая Артаксеркса III, Арсеса и Дария III, - вставка эпитоматоров: [11, р. 193, п. 12].), за которым следовало избавление Египта от бедствий Александром Великим. В таком случае в схеме, которой руководствовался Манефон, финальной фигурой третьего цикла египетской истории должен был быть именно Александр; при этом т.н. "Демотическая хроника" дает основания полагать, что качество его преемника (хотя и не сына) - основоположника новой, македонской, эпохи истории Египта (уже четвертого ее цикла) - ассоциировалось бы в ней с Птолемеем I [10, S. 78-79, 108-109].

В заключение обратим внимание еще на несколько моментов. Во-первых, конструкт "отец-сын", служивший "связкой" между первым и вторым и третьим циклами истории Египта у Манефона, реализуется в полном объеме применительно к финалу третьего цикла в "Романе об Александре": как известно, в нем Александр представлен сыном Нектанеба II; при этом вступление Александра в Египет является отчасти и возвращением сюда воплощенного в нем Нектанеба, так что и в этом сюжете, соответственно закономерностям данного конструкта, "царь-отец" участвует в возвращении страны к норме. Во-вторых, понятие об исторических циклах обнаруживается в антимакедонском по

своей направленности тексте "Пророчества горшечника": в нем македонское владычество – это не отнюдь не счастливое начало четвертого, а бедственный финал третьего цикла истории Египта, за которым последует его освобождение царем-египтянином; при этом обетование подобного завершения этих бедствий оказывается отнесено к ключевым моментам истории Египта, актуальным и для ее "академичной" версии Манефона, – в "Пророчестве ягненка" ко времени Бокхориса, в "Пророчестве горшечника" ко времени Аменофиса. Оба эти момента красноречиво показывают, что схема исторического развития, которой руководствовался Манефон, была всеобщей в осмыслении (как "академичном", так художественном и пропагандистском) египтянами исторического развития своей страны. Наконец, характерно, что и Манефон, и многие других "версии" рассмотренной нами исторической схемы в значительной мере связывают бедствия Египта во времена его кризисов с наступлением господством чужеземцев. Подобный акцент вводил в данную схему долю предостережения против вовлечения Египта в активные контакты (хотя бы и экспансионистские) с окружающим миром. "Неизоляционистская" версия циклической концепции истории Египта, представлена, по сути дела, лишь рассматривавшимся нами "циклом Сесонхосиса-Александра"; однако эта схема была, без сомнения, слишком специфична и очевидно фиктивна, чтобы стать базовой для восприятия египетского прошлого.

1. Ассман Я. Египет: Теология и благочестие ранней цивилизации. – М., 1999. 2. Берлев О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. Сб. ст. – М., 1984. 3. Демидчик А.Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. – СПб., 2005. 4. Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М.; Берлин, 2005 (Pontus septentrionalis, 3). 5. Ладынин И.А. Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007-2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. – СПб., 2009 (Труды Государственного Эрмитажа, 45). 6. Ладынин И.А. "Отплатят за наосы богов Ниневии, в округе аморитов...": Об исходе бедствий Египта в "Оракуле ягненка" // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. – М., 2010. 7. Немировский А.А. Гиксо-сы: вопросы именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. Сб. ст. – М., 2001. 8. Berg B. An Early Source of the Alexander Romance // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1973. – Vol. 14. 9. Gardiner A.H. The Royal Canon of Turin. – Oxford, 1997. 10. Felber H. Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. – Leuven, 2002 (Orientalia Iovanensia analecta, 107). 11. Gozzoli R. The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180). Trends and Perspectives. – L., 2006 (Golden House Publications, Egyptology, 5). 12. Jasnow R. The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // Journal of Near Eastern Studies. – 1997. – Vol. 56. 13. Ladynin I.A. Sesostri-Sesonchosis-Sesoosis: The Image of the Great King of the Past and Its Connotations of the Libyan Time in Egypt // Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. –Vol. 5. – Moscow, 2010. 14. Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XII<sup>e</sup> dynastie. – P., 1956. (Bibliothèque de l'école des hautes études, 307). 15. Wildung D. Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. – Bd. 1. B., – 1969 (Münchner ägyptologische Studien, 17).

Надійшла до редколегії 13.03.12

О. Малюгин, канд. ист. наук, доц.  
(г. Минск, Беларусь)

## РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БРИТТОВ (ПО "ИСТОРИИ БРИТТОВ" НЕННИЯ)

Статья посвящена рассмотрению представлений жителей кельтских районов Британских островов о римской истории и культуре и их влиянии на политическую ситуацию того времени (VIII–IX вв.)

The article deals with representations of the inhabitants of the Celtic regions of the British Isles about Roman history and culture and their influence on the political situation at that time (VIII–IX cc.)

Произведение, известное в науке как "Historia Brittonum" и приписываемое Неннию [16], является одним из важнейших источников по истории Британских островов в раннем средневековье. Оно посвящено тому периоду в истории, который получил название "темных веков" и, соответственно, крайне слабо освещен в источниках. Историки располагают, прежде всего, материалами Гильдаса [5] и Беды Достопочтенного [2], которые в совокупности с археологическими данными составляют остоу наших знаний о Британии в те смутные времена. В данной ситуации крайне важно вовлекать в научный оборот сведения, которые имеются в других работах, созданных в период раннего средневековья. Труд "Historia Brittonum" как раз и является таким произведением, которое привлекает к себе пристальное внимание исследователей, но по сей день не получило однозначного толкования. Вполне можно согласиться с Н. Чадвик, которая отметила еще 50 лет тому назад: "Можно с уверенностью сказать, что ни одна из проблем раннего средневековья не представляет больших трудностей, чем история происхождения и истории текста "Истории бриттов" [4, с.37]. До конца не ясно ни точное время составления произведения, ни имя его автора (условно можно считать его автором уэльского клирика Ненния, жившего в первой половине IX века), ни точные источники сведений, на которых базируется рассказ "Historia Brittonum".

"История бриттов" – произведение синхронизирующей истории, в рамках которой автор (или компилятор) попытался создать историю Британии, опираясь на широкий круг источников, как островных (кельтские и англо-саксонские хроники, королевские родословные, народные предания), так и континентальных (труды Павла Орозия, Проспера Аквитанского, Иеронима). Мало кто сомневается, что в утерянных к нашему времени источниках, использованных Неннием, содержалась важная информация. Однако автор "Historia Brittonum" пересказывает без особого критического отношения все, что он читал, слышал от других или видел собственными глазами, допуская при этом огромное количество ошибок. Именно эти ошибки дали возможность ряду историков обвинять его в полной некомпетентности, а его произведению отказывать в маломальской исторической достоверности. Но даже его ошибки, когда мы внимательно посмотрим на них, дают в распоряжение исследователей уникальный материал – они проливают свет на то, как именно представлял себе историю своего народа и страны один из образованных представителей одного из темнейших и запутанных периодов британской истории.

В данной работе речь пойдет преимущественно о рецепции римской культуры в раннесредневековом Уэльсе, где и был создан первоначальный текст произведения, и об отражении этого процесса в "Historia Brittonum".